

А. К. Толстой

Баллады, былины, притчи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Т52

T52 **Толстой А.К.**
Баллады, былины, притчи / А. К. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2021. –
42 с.

ISBN 978-5-4241-2364-1

Граф Алексей Константинович Толстой (1817–1875) остался бы в истории русской поэзии и литературы благодаря одному только лирическому шедевру «Средь шумного бала...». А ведь им создано могучее историческое полотно «Князь Серебряный», знаменитая драматургическая трилогия о русских царях, неувядаемая сатира «История государства Российского...», злободневная и по сей день. Бесценен его вклад в сочинения небезызвестного Козьмы Пруткова. Благородный талант А. К. Толстого, его творчество до сих пор остаются живым литературным явлением.

ISBN 978-5-4241-2364-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.К. Толстой, 2021

Алексей Константинович
Толстой

Зачинается песня от древних
затей. (Баллады, былины,
притчи)

ВОЛКИ

Когда в селах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.
Семь волков идут смело.
Впереди их идет
Волк осьмой, шерсти белой;
А таинственный ход
Заключает девятый.
С окровавленной пятой
Он за ними идет и хромает.
Их ничто не пугает.
На село ли им путь,
Пес на них и не лает;
А мужик и дохнуть,
Видя их, не посмеет:
Он от страха бледнеет
И читает тихонько молитву.
Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом,
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом,
Не ведутся ль там грешные речи?
Их глаза словно свечи,
Зубы шила острой.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело,
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.
На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мертвых старух.
Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови... с нами сила Господня!

1840-е годы

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.
«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!
Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крыльшки точно стекло!
Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

1840-е годы

КУРГАН

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит:
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.
В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.
Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гуслях гремя золотых:
«О витязь! делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!
И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»
И вот миновалися годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.
Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит.

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?
Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?
Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!
Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крилами треща, саранча.
Порой журавлина стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.
Тушканчик порою проскакет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня,
А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свет летучий
С кургана забытого прах...

1840-е годы

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ

Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне березе.
«Слово о полку Игореве»
Князь Ростислав в земле чужой
Лежит на дне речном,
Лежит в кольчуге боевой,
С изломанным мечом.
Днепра подводные красы
Лобзаться любят с ним
И гребнем витязя волосы
Расчесывать златым.
Его напрасно день и ночь
Княгиня дома ждет...
Ладья его умчала прочь —
Назад не принесет!
В глухом лесу, в земле чужой,

В реке его приют,
Ему попы за упокой
Молитвы не поют;
Но с ним подводные красы,
С ним дев веселых рой,
И чешет витязя власы
Их гребень золотой.
Когда же на берег Посвист
Седые волны мчит,
В лесу кружится желтый лист,
Ярясь, Перун гремит,
Тогда, от сна на дне речном
Внезапно пробудясь,
Очами мутными кругом
Взирает бедный князь.
Жену младую он зовет —
Увы! его жена,
Прождав напрасно целый год,
С другим обручена.
Зовет к себе и брата он,
Его обнять бы рад —
Но, сонмом гридней окружен,
Пиরует дома брат.
Зовет он киевских попов,
Велит себя отпеть —
Но до отчизны слабый зов
Не может долететь.
И он, склонясь на ржавый щит,
Опять тяжелым сном
В кругу русалок юных спит
Один на дне речном...

1840-е годы

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храни,
Свого отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».
И князь доскакал. Под литовским шатром
Опалный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;

Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом».
Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».
И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словамиязвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.
Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не люба на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольно сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Виши, наши меня не догнали!»
И в радости князь посыпает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».
Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смиренной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.
В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,

И тут же, гордяся своею красотой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный Богом Басманов.
Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрятнул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»
И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костьль – и внимаєт:
«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?
Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенний?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лиях и лиях,
С тобой пред судьею предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.
Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилась током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали.
И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,

Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенок!»
Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»
«Царь, слово его все едино:
Он славит своего господина!»
День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну, что же, назвал ли злодеев гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его все едино,
Он славит своего господина:
«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе Бог
Измену твою пред отчизной!
Услыши меня, Боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!
Услыши меня, Боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

1840-е годы

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Московой.
Ковшами золотыми столов блестает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.
Вечерни льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусляры,
Поют потехи браны, дела былых времен,

И взятие Казани, и Астрахани плен.
Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину он кравчemu велит:
«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!
ебе личину, други, пусть каждый изберет,
Я первый открываю веселый хоровод,
За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»
И все подъяли кубки. Не поднял лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.
«О царь! Забыл ты Бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричиной на горе престол свой окружил!
Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в машкаре плясать!»
Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!
Не возражай ни слова и машкару надень —
Или клянусь, что прожил ты свой последний день!»
Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
«Опричнина да сгинет! — он рек, перекрестясь. —
Да здравствует во веки наш православный царь!
Да правит человека, как правил ими встарь!
Да презрит, как измениу, бесстыдной лести глас!
Личины же не надену я в мой последний час!»
Он молвил и ногами личину растоптал;
Из рук его на землю звенящий кубок пал...
«Умри же, дерзновенный!» — царь вскрикнул, разъярясь,
И пал, жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь.
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники шумят,
И смех их раздается, и пир опять кипит,
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:
«Убил, убил напрасно я верного слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»
Напрасно льются вины на царские ковры,
Поют царю напрасно лихие гусляры,
Поют потехи браны, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

1840-е годы

* * *

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
Грянула; с треском кругом от нее разлетелись осколки;
Он же вздрогнул, и к народу могучие медные звуки
Вдали потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

5 декабря 1855